

Я снимаю не для вечности

На фестивале архивного кино "Белые Столбы" был проведен и "круглый стол" на тему "Снимать по-русски". Накануне мы встретились с Алексеем БАЛАБАНОВЫМ.

— Сама постановка подобного вопроса предполагает и некоего зрителя, которому интересны фильмы, "снятые по-русски". Алексей, как по-вашему, ощущает ли этот зритель себя русским?

— У нас многонациональная страна, поэтому, думаю, таких людей не так уж много, что правильно: человек может относиться себя к той нации, к которой хочет, вне зависимости от национальности родителей. И при этом считать себя гражданином России. Как в Америке — они там все американцы. У нас подход должен быть такой же. Только тогда все будет здорово, когда люди начнут гордиться своей страной. Мы постоянно делим: этот русский, этот чеченец, а надо бы всем соединиться. Подумайте, украинцы, самые близкие по крови и духу нам люди, живут в другой стране. Абсурд! Но говорить о каких-то перспективах объединения рано. Будет страна богатой, тогда все автоматически снова потянутся друг к другу, появятся и желание заниматься искусством. Вы же сами видите, как плохо у нас, например, с теми же издательствами. Они берут не хорошую литературу, а бульварную, которая быстро раскупается. А кино? Вспомните, у нас была разработана целая программа его развития, оно было нужно, потому что приносило хорошую прибыль. И наряду с дурацкими пропагандистскими фильмами время от времени выходили и альтернативные картины. Тарковский же не на пустом месте возник!

— Вы согласны с утверждением, что наш кинематограф потерпел крах?

— Ну почему — сразу крах? Кто раньше хорошо работал, тот и продолжает работать. Просто много плохих фильмов вышло. А вышли они потому, что появилось много левых денег. Перестройка серьезно перевернула жизнь страны. На голы людей обрушилась масса информации: и кино, и газеты, и телевидение стали рассказывать о том, на что раньше нельзя было даже намекать. И все бросились делать фильмы на темы, до этого запрещенные. Потом как-то все успокоилось. И если все сначала делали то, что хотелось, то теперь в основном делают то, что нужно для рынка.

— Что хорошо продается?

— Что хотят продать, но наше кино как раз и не продается. Кто ходит в кинотеатры? В основном молодежь, которой интересны фильмы с компьютерными штучками, про всяких гуманоидов, терминаторов. Мы такие фильмы делать не умеем, потому что сильно отстали технологически. Я, например, точно не смогу, хотя и стараюсь снимать для молодых (до тридцати пяти лет) людей. Их мышление пластично, у них не выработались еще штампы восприятия. Это моя аудитория.

— Свой первый полнометражный фильм "Счастливые дни" (фантазию на темы Беккета) вы снимали, не думая о том, что его будет смотреть, а теперь учитываете интересы зрителя. Когда произошел перелом во взглядах?

— Когда я снимал "Счастливые дни", у меня еще была идея снимать только "искусство". Я ведь и обращался не к кому-нибудь, а к Беккету, и таких проектов было немерено. Но после "Замка" по Кафке, длинного, тяжелого, понял, что сегодня это все не работает, и для меня это тупик. Нужно делать то, что будут смотреть.

Тогда, в 96-м, денег на кино не было совершенно, производства никакого. И я, вспоминая нивелирующие фильмы, которые на голом энтузиазме снимал в Свердловске со

А. Балабанов

своими друзьями-музыкантами, предложил Сергею Сельянову: "Давай сделаем кино практически бесплатно". Он согласился. Я прочитал несколько дурацких бульварных книжек, которые только начали выходить: всякие "Антикиллеры" и тому подобное. Подумал: почему бы про бандитов кино не сделать? И хотя ничего про них не знал (но тут личный опыт не так уж важен), быстро написал сценарий фильма с очень маленьким бюджетом.

— Вы попали в точку со своим Даниилом Багровым.

— За границей "Брат" тоже хорошо прошел, в Италии, например. Люди ходили на него в кинотеатры, покупали его на DVD. Да и фильм "Про уродов и людей", который в нашей стране оказался никому не нужным, хотя я считаю его совсем не маргинальным, в западном прокате (особенно в Англии) имел успех. А "Брат-2" — нет. Результат разницы менталитетов. У нас это хит, а на Западе он никому не интересен, что и понятно: я сознательно делал фильм для русского зрителя, начиная с того, что в нем вся музыка наша. У нас талантливые музыканты, молодежь их с удовольствием слушает, и фильмы с их участием всегда успешны. Так смотрели "Брата", так, думаю, будут смотреть и "Войну".

— Снова в центре герой-одиночка?

— Нет, два героя, англичанин и русский, два сознания, два отношения к миру. Съемки проходили в Кабардино-Балкарии и Чечне, около Грозного. Разрушенный город, ободранные солдаты...

— И, как всегда, жесткий, "мужской" кинематограф?

— Я в женском теле не пребывал, поэтому о женщинах мне говорить трудно!

— А почему война?

— Война для всех людей — это война. Я захотел снять о ней фильм и снял.

— Что сегодня спровоцировало такой резкий выплеск агрессии в человеке?

— Агрессия в человеке заложена изначально. Вопрос в сдерживающих моментах. Раньше люди боялись проявлять какие-то свои качества, в том числе и агрессию, сейчас не боятся. Свобода! Вернее, псевдосвобода — все говорят что хотят, делают что хотят. Молодежь употребляет наркотики. Можно стрелять, убивать, порнуху смотреть по телевизору.

— Кроме "Войны", у вас состоялась еще одна премьера, достаточно грустная, — вы смонтировали материал фильма "Река", недоснятого из-за гибели актрисы. История нескольких якутов-прокаженных, живущих на выселках маленькой общиной, потрясает. И так не похоже на то, что вы снимали раньше!

— Я до Высших режиссерских курсов работал ассистентом режиссера в научно-популярном кино, много ездил по стране, и мне всегда хоте-

лось самому снять какую-нибудь этнографическую историю. Повесть Вацлава Серашевского, эта трагическая история ревности и любви, мне очень понравилась. Я понял, что надо обязательно ее снимать.

Мы пытались сохранить максимальную достоверность. Во время подготовительного периода много ездили по Якутии, много времени проводили в музеях. Якуты — скотоводы, самый северный народ, у них даже не было письменности. Русские принесли им православие, но после революции они ударились в атеизм, а сейчас опять вернулись к шаманизму. В православной церкви в Якутии открыт музей шаманизма!

Сняли чуть больше трети, и произошла трагедия — когда возвращались после одной из съемок, наша машина перевернулась, и актриса Туйара Свинобоева погибла. Ей было 27 лет. Продолжать снимать без нее было невозможно. Я долго колебался, но потом решил смонтировать то, что успели снять.

— Как в Якутии отнеслись к фильму?

— Там считают, что фильм не получился, потому что я неправильно показал якутов: они здоровая нация, а мои герои больны.

— В сегодняшней ситуации можно ли вообще говорить о сохранении традиций русской культуры в нашем кино?

— В этом плане самый яркий режиссер — Михалков, постоянно продвигающий русскую идею в кино. Могу назвать еще Овчарова, Рогожкина. Но в принципе выбор у нас очень маленький. Раньше снималось много фильмов, режиссеров было несметное количество, все вликовцы после института могли получить постановку. Естественно, произошла фильтрация, и в нашей памяти из огромного количества снятых фильмов остались только шедевры, по ним мы и судим о советском кинематографе. А что останется от нашего сегодняшнего кино? Кто идет за нами? Да никто. Разве что Котт, который поставил "Ехали два шофера". Сейчас Хотиненко сделает очередной выпуск режиссеров, и что? У них работа будет? Да не будет у них ничего.

Герман в свое время создал студию Первого и экспериментального фильма, выпустил нескольких режиссеров, они сняли по одному фильму, а второй почти все завалили. Но им хотя бы дали возможность заявить о себе. Если бы сегодня все режиссеры ее имели, то за счет этого что-то еще и могло бы возникнуть. Талантливые люди в стране есть, помогите им.

— Насколько советское кино было национальным?

— Оно, скорее, было революционным. Да и вообще о сохранении традиций национального кино речь идти не могла, потому что самих этих традиций просто не существовало, они не успели сложиться. Что в России, что во Франции до 20-х годов кинематографа, можно сказать, не было — движущиеся картинки на эк-

ране, не более. Толчок к развитию кинематографа во всем мире дало как раз наше революционное кино. А какой успех у зрителя оно имело! Я сам люблю те фильмы. До сих пор люди торопятся включить телевизор, когда показывают "Балладу о солдате". А "Стачка" Эйзенштейна... Удивительная картина. Сразу видно — человек мыслит кадрово, а не сюжетно, чем и отличалось то кино от современного. Или фильмы Пудовкина, та же "Мать" — как она эмоциональна, как мощна ее энергия.

И все идет не "от головы", а от тех чувств, что вложил в фильм режиссер. В кино вообще очень важна энергетика. Человек должен сопереживать тому, что видит на экране. И потому не так важно, как сделано, важно, чтобы в зал с экрана передалась та энергия, что заложена режиссером. Поэтому я не люблю видео. На видео ее не остается, а вот пленка, которую делают из "живого" материала, способна передавать энергию живого чувства.

— Пленочное кино станет историей. Впереди — повсеместное внедрение новых технологий.

— Когда кино перейдет на цифру, оно станет совершенно другим и у него появится совершенно другой зритель. Уже сейчас у молодых ребят компьютерные мозги, им не нужно сопереживание, они более рациональны, практичны. Чем раньше мы отличались от наших западных соседей? Своей медлительностью во всем и иррациональностью. Медленно говорили, медленно думали. Пространство вокруг нас большое, оно располагало к этому. Сейчас ритм жизни стал другим. Произошло проникновение Интернета в нашу жизнь, стала доступной любая информация. Все это приводит к нивелировке мышления. От этого нигде не деться. Нивелирование всех под один стандарт всегда плохо — неинтересно, скучно. И потому конец того кинематографа, к которому мы привыкли, в общем-то, близок.

— И как же с такими мыслями вы снимаете свои фильмы?

— Я же не для вечности снимаю. Просто работаю, чтобы люди завтра посмотрели мой фильм в кинотеатрах, и все.

— А что вам интересно самому?

— В разном возрасте разное. И книжки мне разные нравятся, сейчас, например, Фолкнер. Но вообще читаю значительно меньше, как и все. Мой младший сын, так тот просто читать не хочет, телевизор заменил ему книги, что очень жаль. Литература ведь гораздо богаче кино, ты читаешь книгу и представляешь прочитанное. Воображение работает. А кино все тебе показывает, и ничего тут не додумашь.

— Вы пытаетесь как-то эту плоскостную сущность кинематографа преодолеть?

— Это невозможно. Но есть другой путь — предложить разновариантное восприятие. Есть два основных, принципиальных подхода в кино: один — когда ты давишь на зрителя, а другой — когда ты ему показываешь много всяких решений.

На меня все наехали после фильма "Брат" из-за того, что непонятно, кто на самом деле Данила — то ли герой, то ли злодей. Но именно это и было мне важно, я и хотел, чтобы кто-то увидел в нем героя, а кто-то — злодея. Люблю открытое кино, когда человек судит о фильме, исходя из собственных представлений о жизни, а не идет за предложенными ему формулировками. Я придумал героев, я их показываю зрителям, а уж он должен сам решать, что хорошо, а что плохо. С другой стороны, кино — вещь неуправляемая. Ты же не делаешь все сам, у тебя артисты играют, оператор снимает, работают художники, костюмеры... Коллективное творчество. Ты только даешь какой-то изначальный толчок, а дальше — как выйдет...

Беседу вел
Тамара СЕРГЕЕВА
Фото Сергея ИВАНОВА